

Надежда Федотова



Капкан для зончей



Обычно все кончается женитьбой. Однако,
вы будете смеяться, это оказалось только началом!

Надежда Федотова



**ВОЖДЕЙ НЕ БЫБИРАЮТ
МОЙ СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ВРАГ
КУДА ОНИ УХОДЯТ
РЫЦАРЬ ЧАШИ И ЗМЕИ
КАПКАН ДЛЯ ГОНЧЕЙ**



Надежда Федотова



Капкан для зончей

Роман

Москва, 2011
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Все персонажи, характеры и события этой книги вымышленные.

Реально существовавшие личности никакого отношения к данному произведению не имеют. А многочисленные исторические несоответствия — необходимая и осознанная жертва во благо Его Величества Приключения!

Это не научный экскурс в Средние века, и не История — бог с ней, оставим ее летописцам!..

Это фантазия. Сказка. О том, чего никогда НЕ БЫЛО, но что МОГЛО БЫ БЫТЬ...

...И да простят меня потомки славных фамилий и знатоки Шотландии!..

Автор

ПРОЛОГ

Над величественной громадой неприступной крепости Стерлинг собирались грозовые тучи. И не только в прямом смысле — начало осени в Шотландии всегда изобилует проливными дождями, но и в переносном: несколько часов назад запыхавшийся гонец лорда Мак-Дональда принес из предгорий Хайленда¹ черную весть — единственный сын короля Кеннета Мак-Альпина, Патрик, погиб накануне вечером. Погиб по-глупому, сорвавшись с обрыва во время охоты, погиб на пороге своего двадцатилетия, погиб, оставив династию без наследника, а Шотландию — на грани войны за власть.

Свинцовые воды Форты² изгибались у подножия крепости, в душном полумраке напоминая своими очертаниями бескостный змеиный хребет. Змеи. И пострашнее, чем эта, рожденная воображением да мрачными думами, пострашнее, чем настоящие, что прячутся в расщелинах камней... Ох, сколько же их наползет сюда, когда весть о смерти Патрика разлетится по всему Нагорью!.. Король Кеннет ссутулился, тоскливым невидящим взглядом уставившись в узкое оконце потайной комнаты. Эх, Патрик, Патрик!.. Как можно было так рисковать? И как теперь удержать

¹ Х а й л е н д — гористая часть Шотландии.

² Ф о р т — река в Шотландии.

на цепи алчных и воинственных горцев, которые только и ждут момента, чтобы...

За спиной правителя раздался знакомый скрежет, шорох и затем негромкий голос:

— Я так и думал, что найду вас здесь, сир.

— Уже закончил? — не поворачивая головы, спросил Кеннет.

— Да. Только что с допроса... — Единственная дверь, замаскированная под камин, с тем же гнусным скрежетом встала на место. Вошедший неуверенно потоптался на вытертом коврике и, сделав шаг вперед, склонился в почтительном поклоне: — Извольте ознакомиться с подробностями прямо сейчас, или мне следует...

— Брось ты эти придворные ужимки, — поморщился государь, наконец обернувшись. — Сам же знаешь, нет времени на траур и отеческую скорбь. Что сказал гонец?

— Он толком ничего не знает. Его на охоте не было. Он в это время находился в замке и узнал о случившемся, только когда лорды вернулись — без добычи и с принцем на руках. По словам гонца, к тому моменту, когда вашего сына внесли под своды Тиорама, он уже не дышал. Как рассказал лорд Малькольм, принц отделился от них еще в самом начале охоты. Решив не быть назойливыми, Мак-Дональды и остальные углубились в перелесок...

— Остальные — это кто?

— Ближайшие соседи: лорд Кэмерон, лорд Грант, лорд Мак-Лин с сыном и ваш старый приятель, лорд Нокс Маккензи. В пылу охоты (судя по добыче — явно неудачной) они не скоро хватились, что с момента расставания у развилки главной дороги его высочество никто не видел. Так как начинало смеркаться и пора было возвращаться, лорд Малькольм велел слугам и гостям поворачивать с добычей к дому, а сам с сыновьями отправился искать принца...

— Дальше можешь не продолжать, — с досадой махнул рукой Кеннет. — Гонец передал мне послание лорда Мак-Дональда. Думаю, в нем он повторил свой рассказ домочадцам.

— У вас есть основания не верить этому, сир?

— Не знаю, — честно ответил король Шотландии. — А кому можно верить в теперешнем положении? С одной стороны, Патрик был отличным наездником и местность вокруг владений Мак-Дональда знал прекрасно, коли уж проводил в замке лорда Малькольма второе лето подряд. Не заметить обрыв он не мог. Да он просто не мог не знать, что обрыв там есть! С другой сторо-

ны, ты же знаешь моего сына... Если уж чем-то увлекся — пиши пропало, кроме цели вожденной ничего вокруг не видит! Может, и в этот раз — увлекся погоней да слишком близко к краю подобрался, а там и... Во всяком случае, свидетелей нет. Ни подтвердить предположений лорда Мак-Дональда (к его чести, он сам назвал это только предположением), ни опровергнуть их никто не может.

— Вот тут вы ошибаетесь, ваше величество. Свидетели есть, и даже двое.

Кеннет Мак-Альпин поднял голову:

— Кто они?.. Из свиты Мак-Дональда?

— Не совсем. Происхождение у обоих не бог весть какое, однако, по словам гонца, по крайней мере, одному из них верить можно точно. Это конюший лорда Малькольма, Шон Сорли. На хорошем счету, в жизни никому ни разу не соврал, простой парень, но золотое сердце. Так, по крайней мере, о нем отзывался гонец. А второй — солдат замкового гарнизона.

— И что он забыл у обрыва? — поднял бровь правитель. — Да к тому же в компании с конюхом?

— Я тоже поинтересовался, сир... По словам того же гонца, в окрестностях лихие люди завелись. То ли грабители с большой дороги, то ли просто до людской крови охочи — и такие встречаются, увы! Уж лорд Мак-Дональд с соседями и облавы на них устраивал, и окрестных жителей предостерегал, да толку никакого! Словно невидимки... Лорды так никого и не поймали, а лиходеи между тем уже четверых прирезали. У гонца, кстати, родной брат так и погиб... Потому в одиночку и без оружия никто не осмеливается выходить по темноте из замка. Это, собственно, и есть причина, по которой солдат сопровождал Шона Сорли.

— Хм... — задумчиво проронил Кеннет. — Тогда другой вопрос: а что забыл у этого злополучного обрыва означенный конюший?

— Искал лошадь, — пожал плечами собеседник. — То ли она от табуна на закате отбилась, то ли из загона убежала... Гонец подробностей не знает.

— Он мог бы поискать и утром. Или этот парень такой храбрый, что не побоялся, учитывая все эти рассказы о неведомых злодеях, высунуть нос из замка с наступлением темноты?

— Как раз наоборот. Может, он и храбрый, я не знаю, но зато я знаю лорда Малькольма — когда он гневается, ему даже леди Агнесс под руку соваться опасается!..

Кеннет вспомнил громогласную супругу вспыльчивого лор-

да, державшую в ежовых рукавицах не только слуг, троих великовозрастных сыновей и собственного мужа, но и добрую половину обширного клана Мак-Дональдов. Женщина-глыба, да, ко всему прочему, с таким характером, что, не дай ей природа еще и ума, кто-нибудь из окружающих давным-давно бы ее отравил!

— Думаешь, лорд Мак-Дональд так уж и разгневался бы из-за пропажи какой-то лошади? У него их больше, чем даже у меня!

— Эта была не «какая-то». Это его драгоценная Розалинда, племенная кобыла чистокровных арабских кровей. Он на нее большие надежды возлагает... К тому же она еще и жеребая, так что упаси бог Сорли было ее не найти! Как ни ценит лорд своего конюшего, за Розалинду он сгоряча и повесить может.

— О людях бы своих он так заботился, — проворчал государь. — Впрочем, пусть их всех: и Мак-Дональда, и его Розалинду, и конюха этого... Что он видел?

— Как принц проскакал через заросли, приблизился к обрыву и скрылся в тумане.

— Дальше.

— Собственно, это все. Не услышав больше ни звука, эти двое тут же вспомнили, как опасен обрыв, спустились вниз и нашли его высочество. Мертвого. Естественно, сразу подняли на ноги весь замок, доложили подъехавшим лордам... Остальное вы знаете.

— Остальное я знаю... — эхом повторил король Шотландии. В комнате стало тихо. Слышно было, как внизу мерно гудят воды Форта, а в совсем почерневшем небе раздаются глухие раскаты приближающейся бури. Потом Кеннет Мак-Альпин поднял голову и посмотрел в лицо стоящему перед ним человеку: — Это хорошо, что ты пришел, Ивар, — сказал он. — Как я уже говорил, времени у нас мало. С гибелью Патрика вся королевская династия оказалась под угрозой. Другого наследника у меня нет. И положиться мне, кроме тебя, не на кого. Мой клан велик, но слишком разрознен и слаб, и хотя номинально они признают мою власть над собой, но я знаю, что никто из вождей не встанет поперек дороги тому же Хайленду. Мои родственники тихо ненавидят друг друга и действовать сообща, тем более ради того, чтобы упрочить мое положение на троне Шотландии, не станут. А вот что касается лордов Нагорья — те могут... Все знают, как быстро горцы «забывают» взаимные претензии и объединяются, если им это выгодно.

— Не уверен. В Хайленде та же ситуация. Постоянная грызня за землю, замки, древность рода... Да и много ли воинов они мо-

гут предоставить, даже если случится чудо и они решат действовать сообща? — пожал плечами тот, кого назвали Иваром. — Кто может представлять реальную опасность, — так это, пожалуй, Мак-Дональды, Кэмпбеллы, ну, еще Мак-Грегори. Но последние вряд ли. Да и глава клана Кэмпбеллов всегда поддерживал вас, сир.

— Поддерживал! — невесело усмехнулся король. — Пожалуй, только в пику тому же лорду Малькольму!.. А уж никак не от избытка верноподданнических чувств. В Хайленде до сих пор царит старая патриархальная система, и по большей части им там наплевать на наши королевские указы и центральную власть. Они и христианскую веру-то в основной своей массе не приняли.

— А как же Лоуленд?¹

— А много того Лоуленда? — вопросом на вопрос ответил Кеннет. — И какие с них бойцы? Нет, друг мой, делать ставку на жителей наших равнинных земель глупо. По крайней мере, только на них.

— Что вы имеете в виду, сир? — Ивар еще не понял, куда клонит государь, но каким-то шестым чувством уловил, что конкретно ему в планах монарха отведена значительная роль.

— А вот что, — охотно пояснил Кеннет. — Если бы у меня было под рукой хотя бы несколько сильных кланов, в которых я мог бы быть уверен полностью, неизбежную междоусобную войну можно было бы предотвратить. Пока, и то навскидку, у меня есть только три. Один из них — Кэмпбеллы, в которых я совсем не уверен. Но если им пообещать что-нибудь весомое, то вполне может быть, они будут на моей стороне. Кэмпбеллы — клан большой, имеет вес в Хайленде и определенное давление на другие кланы. Это хороший союзник, хотя бы потому, что Ричард Кэмпбелл скорее душу продаст дьяволу, чем позволит Мак-Дональдам в чем-то его обскакать! Давняя вражда семей, как это ни прискорбно, иногда играет на руку. Второй клан — Маккензи. Лорд Нокс Маккензи не последний человек в Нагорье. Его старший брат Артур (мир его праху!) был в свое время моим хорошим другом и союзником. Увы, не знаю, чего ждать от младшего, но будет очень неплохо, если и он меня поддержит! Кроме того, сир Нокс и твой отец, Ивар, были большие приятели. Попробуй сыграть на этом.

— Непременно. — Собеседник кивнул и наморщил лоб. — А кто еще, кроме Кэмпбеллов и Маккензи, ваше величество? Вы

¹ Равнинная часть Шотландии.

говорили о трех кланах. Мак-Лины? Или, может быть, Макферсоны?

— Нет. Эти встанут на сторону более сильного противника. И пока таковой не обозначится окончательно, будут держаться нейтрально, как те же Мак-Грегори. Я имел в виду тебя, Ивар. Клан Мак-Лайонов.

Двадцать лет назад имя Магнуса Мак-Лайона, вождя немногочисленного клана Мак-Лайон, в Хайленде знал всякий. Хотя бы потому, что, кроме имени да, пожалуй, того, что его замок Фрейх возвышается на берегу залива Кромарти, никто ничего о нем толком не ведал. Лорд Магнус жил обособленно, с людьми сходилась тяжело и неохотно, соседей предпочитал не замечать, а угоды свои охранял так, что «случайно» забрести во Фрейх на огонек было попросту невозможно. Те немногие, кто удостоивался такой чести, знакомством гордились, тем паче что оно открывало перед «избранными» и другие, исключительно полезные знакомства. Дело в том, что вождь клана Мак-Лайон, сам будучи не из такого уж прославленного и древнего рода, имел редкое свойство притягивать к себе людей всех сословий и со всеми держался на равных, будь то мелкопоместный землевладелец или знатный лорд Нагорья. За это его уважали и те и другие: первые — за отсутствие высокомерия, вторые — за то, что титулам он всегда предпочитал их самих. Разумеется, далеко не всем отпрыскам почтенных фамилий Хайленда была по душе такая вот демократичность, но лорды с подобными настроениями в кругу друзей и знакомых Магнуса почти не встречались, а если и встречались, то долго там не задерживались. В людях вождь клана Мак-Лайон, как правило, не ошибался.

Не ошибся он и в отношении своего ближайшего соседа, чей замок стоял по другую сторону залива. Лорд Манро, человек в высшей степени завистливый и тщеславный, тоже был известен на всю округу, только слава эта была из тех, какой не хвалятся. Вечно всем недовольный, ни в грош не ставивший чужое мнение, да еще и отличавшийся мстительностью натуры, сосед Магнуса Мак-Лайона был хоть и нежеланным, но обязательным гостем всех окрестных замков: ссориться с кланом Манро, сильным и обширным, никому не хотелось. Поэтому соседи скрепя сердце терпели его присутствие, благо ни у кого он надолго с визитом не задерживался. Единственным человеком, что пренебрег этой тягостной повинностью, оказался Магнус. И, один раз пообщавшись с Вальтером Манро, он на свою беду не постеснялся

не только раз и навсегда отказать ему от дома, но и со свойственной ему прямоотой заявить в лицо обидчивому соседу, что с гораздо большим удовольствием предпочтет ему общество самого бедного и безродного из своих арендаторов. Потому что те, мол, в отличие от спесивого лорда, более достойны уважения. Он сказал это, захлопнул дверь и забыл. А Манро не забыл. Сразу выхватить кинжал да заставить обидчика заплатить за нанесенное оскорбление ему помешало только одно: при этой в высшей степени неприятной сцене присутствовало больше дюжины лордов Хайленда. В числе которых были в то время еще только претендующий на трон Шотландии Кеннет Мак-Альпин и влиятельный лорд Артур Маккензи, глава огромного клана Маккензи, чьи земли граничили с владениями клана Манро. Вальтер молча проглотил горькую пилюлю и покинул негостеприимный Фрейх. А потом, дождавшись своего часа, вернулся. И отомстил.

Ту ночь Ивар, которому тогда едва исполнилось десять, помнил плохо. Отрывками, размытыми и неясными, как вспоминается поутру приснившийся ночью кошмар. Он помнил, что бежал куда-то, кричал, помнил заваленный окровавленными телами двор, занявшийся огнем замок, отца с мечом наголо, теснящего к стене башни сухопарого пригнувшегося человека с нечеловечески злобным оскалом. Пожалуй, тот неестественный оскал — последнее, что он помнил. Как ни старался Ивар уже по прошествии лет воскресить в памяти еще хоть что-нибудь, ему это так и не удалось. Поэтому обо всем, что случилось той ночью во Фрейхе, он узнал с чужих слов и гораздо позже. Почти весь клан Мак-Лайонов погиб, защищая замок. Самого Магнуса нашли там, где его и видел в последний раз Ивар, — на стене замка рядом с бездыханным телом вождя клана Манро. Маккензи и Мак-Альпины слишком поздно обо всем узнали, и, когда будущий король Шотландский прибыл на место трагедии, спасать было уже некого. Клан лорда Вальтера вдвое превосходил по численности соседский. От Мак-Лайонов остались лишь выгоревший дотла замок, чудом уцелевшая дюжина воинов (из которых стоять без посторонней помощи могли, наверное, человек пять от силы) и единственный сын погибшего вождя, малолетний Ивар. Подумав, Кеннет бросил последний взгляд на павший Фрейх, похоронил с почестями достойного лорда и предложил оставшимся в живых свое покровительство. У тех хватило здравого смысла его принять. Несколькими годами позже Кеннет Мак-Альпин взошел на престол Шотландии, вернул бывшие

земли Магнуса Мак-Лайона их законному, теперь уже возмужавшему владельцу и предложил Ивару заново отстроить Фрейх.

Последний из Мак-Лайонов на щедрое предложение ответил согласием, но возвращаться в родовой замок отказался. И вовсе не из-за тяжелых воспоминаний. Хайленд был чужд ему — своей верностью древним обрядам и традициям, своей патриархальностью, своей вечной междоусобной грызней и упрямым отрицанием всего, что могло нарушить веками устоявшийся порядок. Выросший при дворе Кеннета, в окружении лоулендерской знати, разительно отличавшейся от хмурых и по большей части не шибко образованных горцев, Ивар обитателей Нагорья и тогда, в свои девятнадцать, не понимал. А уж теперь, когда ему перевалило за тридцать, и вовсе не имел никакого желания сходить с ними ближе, чем того требовали его обязанности первого советника короля, главы Тайной службы его величества и хранителя Тайной печати. Он ограничился тем, что привел старый замок в порядок и оставил там начальником гарнизона одного из своих проверенных людей. Сам же в родовое гнездо наезжал редко, только когда сопровождал его величество на очередные переговоры с вождями горных кланов. Больше в Хайленде, по его собственному глубокому убеждению, ему делать было нечего. Стараниями Кеннета Ивар получил блестящее образование, говорил на пяти языках, объездил с дипломатической миссией полмира и сейчас являлся второй по значимости фигурой в Лоуленде — после короля, разумеется.

Его величество не прогадал, вложив столько сил и средств в отпрыска покойного лорда Магнуса. В результате он получил верного соратника, компетентного советника, блестящего дипломата и — чего греха таить — хорошо натасканную ишейку, мимо глаз и ушей которой ничто не проходило незамеченным. Хранитель Тайной печати — должность, смысл которой для большинства представлялся довольно расплывчатым, хоть и предполагала наличие этой самой печати, на самом деле означала только одно: разузнавать, выслеживать, вынюхивать... а если понадобится, то и карать — с позволения государя, разумеется, и в его личном присутствии. Ивара даже иногда за глаза называли королевской гончей, что в общем-то его ничуть не расстраивало. И, пожалуй, нравилось гораздо больше, чем прозвище Бескостный, прилепившееся к советнику его величества из-за умения проникать во все щели и ужом выворачиваться из самых запутанных ситуаций. Коих, учитывая специфику его службы, всегда хватало. И к которым он уже за столько лет привык.

Но к тому, что сейчас хотел от него король, Ивар был совсем не готов.

— Ваше величество, — с непониманием глядя на правителя, сказал он, — но клана Мак-Лайон нет! То есть нет как такового, как определенного количества людей, способных оказать помощь короне! Мак-Лайоны кончились еще двадцать лет назад.

— А ты?

— А что я? — пожал плечами советник. — Вождь без клана? Полководец без армии? Мне нечего, точнее, некого предложить вам, сир. Несколько боеспособных молодцов, что остались от соратников отца, мир его праху, династию не спасут. Даже если очень захотят. Да и лет им уже, простите...

— Честно говоря, друг мой, я немного не это имел в виду, — сказал Кеннет. — Разумеется, то, что осталось от Мак-Лайонов, не только не представляет собой надежный щит, но и полноценным кланом считаться не может. Я надеюсь, ты не...

— Не обиделся, — улыбнулся Ивар. — Это я и сам знаю. А если бы вдруг позабыл, то мне бы живо напомнили. Желающих у нас при дворе много! Так что же вы все-таки хотите от меня, ваше величество?

— Верни себе статус, — коротко высказался Кеннет Мак-Альпин. — Стань полноценным вождем полноценного клана. Тогда остальные будут считаться с тобой, а следовательно, и со мной тоже.

— И как вы предлагаете это сделать? — наморщил лоб Ивар. — Для этого нужны люди. Где я их возьму? Набирать наемников — плохая практика, да и казны вашей, сир, не хватит, не говоря уж о моих скромных доходах!

— Есть выход попроще. Объединись с другими.

— Другой клан? Под моим именем? И как вы это себе представляете?

— Очень просто. — Король Шотландии посмотрел в глаза своему советнику. — Выгодный брак. И как можно скорее. Пока по всей стране не разнесся слух о нашем бедственном положении. Союз с каким-нибудь достаточно сильным семейством Лоуленда даст тебе и людей и статус.

Ивар молчал, глядя себе под ноги. Кеннет выдержал паузу, необходимую, по его мнению, для осмысления советником такого дерзкого предложения, потом помялся и спросил:

— Или у тебя кто-то есть на примете? Скажи сразу, тогда попробуем решить вопрос как-то по-другому.

— Ни в коем случае, — отрезал хранитель Тайной печати. —

Это самый лучший и в общем-то единственный выход из создавшейся ситуации. Даже если бы у меня и был кто-то, как вы выразились, «на примете», это бы ничего не изменило. А раз никого нет, то в се складывается еще проще. Я не о том задумался, сир. Я размышляю — кто? Само собой понятно, что отказать мне никто из наших равнинных лордов не посмеет — при вашем-то личном участии! Но выбрать самое подходящее семейство? Бойды — не так многочисленны. Дагласы — те и между собой все время грызутся, да так, что куда там хайлендерам. Разве что Гордоны... — Тут он задумался. — Гордоны более чем подходящий клан, да только их влияние распространяется исключительно на Лоулэнд, и союз с ними сильно подпортит нам отношения с Гамильтонами, которые пускай и не имеют такого веса здесь, зато имеют много верных сторонников в Нагорье. Но выбирать придется кого-то из них, это самые влиятельные семейства Равнины. А мне не нравится ни тот ни другой вариант.

— Ты ни о ком не забыл? — вкрадчиво поинтересовался государь.

— Вроде бы нет, — поднял голову Ивар.

Кеннет усмехнулся:

— Ты выбирал по древности рода и положению. Это не главное. Выбирать надо по силе. А сила не только в количестве земель, родословной и годовом доходе. Связи. Вот что нам нужно.

— Я так смотрю, у вас уже есть подходящая кандидатура? — хмыкнул советник. — Так бы сразу и сказали, сир. И кто же? Кого я пропустил? Мне уже просто интересно!

— Имя Вильям Максвелл тебе что-нибудь говорит?

— Максвелл... — Ивар наморщил лоб. — Максвелл... Погодите... Торговец?!

— Он самый, — удовлетворенно кивнул Кеннет. — И не делай такое лицо, это пускай наши спесивые лорды брезгают родством с торговцами. Да, у него нет титула, да, в Лоулэнде его считают удачливым выскочкой. Но весь Файф¹ так или иначе принадлежит ему. А еще семейство Максвеллов контролирует залив Форта. Это прибрежный район, Ивар! Ты понимаешь, что это нам дает?

— Попробую понять. — Советник прищурился, раздумывая, потом ухмыльнулся и, глядя на короля, принялся загибать пальцы: — Форт в районе Файфа впадает в Северное море. Это раз. На море сейчас господствуют норманны. Более того, острова и

¹ Ф а й ф — область Шотландии на побережье Северного моря.

прибрежные районы Шотландии тоже по большей части под их сильным влиянием. Это два. Торговля... Укрепление связей с Нормандией... А еще если вспомнить...

— Что ты там бормочешь? — устав вслушиваться в невнятное мычание хранителя Тайной печати, спросил Кеннет.

— Это я думаю вслух, сир.

— И что именно ты думаешь?

— Что мой будущий тесть очень дальновидный человек, — с широкой улыбкой ответил Ивар. — Как и вы, сир. Я теперь окончательно вспомнил, что слышал об этом Максвелле. Он торгует с норманнами, и не только с ними, а за право быть единственным перекупщиком на побережье берет у них товар в разы дороже, чем остальные. Поэтому «остальных» практически нет. Все торговые корабли сразу сворачивают в залив и швартуются в Файфе. Ничего не слышал о размерах его состояния и количестве людей в его клане, но, исходя из того, что я знаю лично о нем, человек он весьма небедный! А уж если вспомнить про норманнов... Настроенными деловыми связями они рисковать не любят, терять проторенную дорожку сбыта товара им тоже невыгодно. Если мы получим поддержку с этой стороны, а мы ее получим, если моя информация верна...

— Другой у тебя не бывает, — уголками губ улыбнулся король Шотландии.

— ...то в этом случае, — закончил Ивар, не отвлекаясь на похвалу, — против такой силы Хайленд не полезет! Великолепный план, ваше величество. Я его полностью поддерживаю.

— Вот и прекрасно, — живо откликнулся Кеннет. — Теперь детали. У Вильяма Максвелла есть дочь. Единственная.

— И никто еще не позарился на такое приданое?

— Ну... — замялся его величество, — во-первых, ты же знаешь наших лордов: родство с торговцами они считают жутким мезальянсом...

— Полноте, сир! — расхохотался советник. — Когда речь идет о таких деньгах, цвет крови не играет никакой роли! Думаю, ни один из наших благородных, но сильно поиздержавшихся лордов не отказался бы от столь жирного куса пирога.

— Тут ты прав, — согласился правитель. — Желających было много.

— А почему «было»?

— А потому, что уже рукой махнули. Всем отказывают.

— Папаша ищет партию получше?

— Понятия не имею. Но вероятнее всего, да. И, я надеюсь, ты его впечатлишь. Потому что...

— ...другого выхода у меня нет, — хмыкнул Ивар. — Я приложу все усилия, ваше величество. Если, разумеется, вы приложите все остальное!

— Само собой, — кивнул тот. — Сегодня же напишу Максвеллу и попрошу для тебя руки его дочери. Взять с тебя, может, и нечего, но лэрд¹ Вильям — человек умный. И дальновидный, как ты сам заметил. Королю он не откажет. О чем ты задумался?

— Да так. — Хранитель Тайной печати вздохнул. — Хоть посмотреть бы на эту дочку торговца! Чтобы знать, к чему готовиться.

— Брось, — отмахнулся Кеннет, усаживаясь за стол и доставая перо. — Отошлешь в замок да вернешься в Стерлинг. Ты на службе короны, в конце концов.

— А вот...

— А ночью все кошки серы, — отрезал король Шотландии, подвигая к себе чернильницу. — Иди. Женитьбу твою я уж как-нибудь и сам устрою. А ты вот возьми-ка лучше это. — Он, не глядя, протянул советнику распечатанный свиток. — Письмо лорда Мак-Дональда. Изучи на досуге. Не нравится мне все это.

— Будет исполнено, ваше величество. — Ивар поклонился, взял письмо и нажал замаскированный на крышке камина под медный подсвечник рычаг. — Завтра с утра в замок доставят тело принца. Прикажете мне этим заняться?

— Да, — отрывисто сказал Кеннет. И склонился над письмом, дав понять, что аудиенция окончена.

Ивар отвесил еще один поклон и шагнул в медленно увеличивающуюся щель потайной двери в задней стенке камина. Кеннет Мак-Альпин был сильным человеком и умел держать на цепи свои чувства. Но он был отцом. Отцом, только что потерявшим единственного сына. Последний из Мак-Лайонов сунул свиток за пазуху и сокрушенно покачал головой. Эх, Патрик, Патрик! Что тебя понесло в этот Хайленд? И как ты умудрился свалиться с того проклятого обрыва? Черт его знает...

— Но я узнаю, — сам себе сказал Ивар, оглянувшись на стенную панель, с тихим щелчком вставшую на место.

¹ Л э р д (*англо-шотл. laird* — землевладелец) — представитель нетитулованного дворянства в Шотландии.

ГЛАВА 1

Нэрис поежилась и натянула на плечи колючий шерстяной плед. Ноги, обутые в тонкие домашние туфельки, озябли, огарок свечи в жестяном подсвечнике догорал, грозя погаснуть с минуты на минуту.

— Вот же вредное создание! — Девушка возмущенно фыркнула, едва не задув и без того слабый язычок пламени. — Эти брауни! Ну из-за чего, скажите, пожалуйста, стоило так обижаться? Разбаловала паршивца на свою голову, — сердито буркнула она себе под нос, сворачивая к лестнице в подвал.

Все верхние помещения Нэрис уже облазила, на кухне и в кладовой искала тоже, да все без толку: брауни по части игры в прятки был большой мастер. Оставался только подвал. Девушка передернула плечами: не то чтобы она боялась темноты, но в подвале было еще холоднее, к тому же ужасно сыро, а еще там водились крысы. Крыс она терпеть не могла. Но маленького шерстистого приятеля найти надо всенепременно, так что... Она вздохнула и начала спускаться по узкой лесенке вниз, тихо бормоча вполголоса:

— Вот сейчас простужусь, заболею. Ему-то что, он весь шерстяной. И бессовестный к тому же! Молоко мы, видите ли, уже не пьем! Нам сливок подавай и коврижек с медом! А подумать, что мне их сейчас взять негде... — Она отодвинула ржавый засов на двери и навалилась на нее плечом. — Слуги и до этого за моей спиной пальцем у виска крутили, а теперь уж точно малахольной окрестят. А я в чем виновата? В том, что кое-кто с жиру бесятся?.. Ай!

В дверную щель шустро проскользнула упитанная крыса. Нэрис отпрыгнула в сторону, едва не уронив подсвечник, и выругалась. Дверь скрипнула.

— Девица, называется, — сварливо буркнули из темноты подвала. — Бранится как сапожник. Правильно маменька гово-

рит — нечего тебе на пристани ошиваться почем зря! Только ду-
рости набираешься. Такое мое мнение.

— Что вы все привязались к этой пристани? — насупилась де-
вушка, толкнув дверь. Дышащий на ладан огарок осветил влаж-
ные ступени, исчезающие в темноте. — И хватит повторять за
мамой, я и так ее нотации каждый день слушаю. Выходи! Я за-
мерзла.

— А вот не выйду! — ответили из темноты.

— Я и так тебя обыскалась, — уперла свободную руку в бок
Нэрис. — Не мог поуютнее места найти? Выходи, говорю, здесь
крысы! Специально в подвал залез, чтобы я?..

— Да при чем тут ты-то? — грустно вздохнул голос, и на верх-
ней ступеньке показалось маленькое волосатое существо в за-
стиранном колпачке. — На кухне народу — лапу не высунешь!
Ночь-полночь, а все суетятся. Поди, и не ложились... Чего дро-
жишь? Крыса убежала.

— Да холодно мне! — жалобно пискнула девушка, кутаясь в
плед по самый кончик носа. — Сентябрь на дворе, полы каменные,
из всех щелей дует. И тебя еще искать битых два часа пришлось!

— И поделом, — обиженно заявил брауни. — Такое мое мне-
ние.

— Только о себе думаешь, — в свою очередь обиделась Нэ-
рис. — А в мое положение войти? Я, между прочим, послезавтра
замуж выхожу.

— А мне-то что? — непримиримо буркнул брауни. — Где мои
коврижки?

— Ах, коврижки?! — вскинулась девушка. — Коврижки тебе
важнее, да?! Ну и... Ну и сиди тут один! Волосатое, неблагодар-
ное, бессовестное суще...

— Да ладно, ладно, — проворчал брауни, смущенно теребя
кончик колпака. — Ну, бывает, погорячился. И неделя такая су-
матозная. Носятся все как умалишенные, замок вверх тормаш-
ками. А молоко я не пью!

— Вот почему ты вредный такой? — Она тяжело вздохнула. —
Сам же все понимаешь. Бог с тобой, пойдем, я у нянюшки миску
сливок выпросила. И больше так не прячься!

— А больше и не надо будет, — грустно сказал он, семена сле-
дом за девушкой вверх по лестнице. — Ты ж вот... это самое... за-
муж! А кому я тут нужен еще-то? Никому. Такое мое мнение.

— Глупости! — Нэрис свернула в коридор. — Нянюшка с ма-
тушкой обычаи чтят, уж без сливок не останешься.

— А коврижки?

— Коврижки и мне нечасто перепадали! — сказала она, открывая дверь спальни и проскальзывая внутрь. — Но я скажу кухарке. Уф! Тепло. Вон там, на столике, угощение. И не сердись — действительно все в доме вверх тормашками с этой свадьбой! И мама еще со своим платьем. Терпеть не могу голубой цвет. Вот возьму и надену зеленое!

— Ты что?! — ахнул брауни, отрываясь от миски с жирными сливками, к которой уже успел основательно приложиться. — На свадьбу — зеленое?¹ Да жених передумает!

— Не передумает, — отмахнулась девушка, пошевелив кочергой поленья в камине и снимая с плеч плед. — Если уж они за неделю все дело сладили, даже официальной помолвкой не озаботившись, значит, мой будущий супруг настроен решительно. Кроме того, говорят, что он не верит в приметы.

— Он что, не шотландец? — с подозрением прищурился патристично настроенный комок шерсти.

Нэрис рассмеялась:

— Шотландец! Но свободомыслящий. — Тут она вздохнула. — И, наверное, родовитый да очень влиятельный, раз папа даже думать не стал над предложением. Хоть взглянуть бы на него! А вдруг он старый и страшный, как смертный грех?

— Ну, тогда, положим, лучше тебе его пока не видеть, — прощавкал брауни. — Зачем заранее настроение портить? Отказаться все равно ведь не сможешь, раз уж отец свое согласие дал.

— Да я и не собиралась отказываться, — пожала плечами Нэрис. — Я же все понимаю. И матушка уже который год зудит под ухом, мол, сижу в девках, у родителей на шее, ни зятя, ни внуков... Можно подумать, это из-за меня! Да папа всем отказывает!

— Не попрекай отца, — сурово сказал брауни, — он о твоём будущем радеет! Ну... и о своем тоже... но это во вторую очередь!

— Угу, — хмыкнула она. — Как же, во вторую! Но в любом случае сейчас это неважно! Совсем скоро я стану замужней дамочкой. Ужасно любопытно, как это?

— А чего тут любопытного? — донеслось от стола. — Вон на маменьку погляди — и сразу все понятно будет! Дело известное: мужа с охоты ждать, дом вести, стряпать, слуг гонять, детей растить... А не на причале околачиваться и с книжкой заморской по полночи у свечи сидеть!

¹ Зеленый цвет в Шотландии, согласно народным поверьям, колдовской; его принято избегать не только в свадебных нарядах, но и при подготовке свадебного пиршества. В былые времена на свадебном столе даже обычная зелень была под запретом.

— Ты опять за свое? — надулась она и тут же погрузилась. — Да уж, про причал — это в самую точку. Папа сказал, что мой будущий супруг из Хайленда. Откуда в Нагорье причалы? А что касается книг и того, что я сижу над ними «по полночи»...

— Не до книжек тебе будет, — встрял брауни, — как и маме-нке твоей. А ежели муж молодой попадетя, то и по ночам будет чем заняться, помимо чтения.

— Да ну тебя! — покраснела девушка.

— А чего? Я дело говорю. — Домашний дух сыто икнул и облизнул вымазанную в сливках мордашку: — Ты не расстраивайся. Я, пока от тебя по замку бегал, случайно к папеньке твоему в кабинет попал.

— Так уж и «случайственно»?

— Ну... почти, — ухмыльнулся он, отодвигая пустую миску и поудобнее устраиваясь на столике. — Я же знаю, тебе интересно было бы послушать. Вот я и... как бы вместо тебя!

— Ну? — Она нетерпеливо заерзала в кресле.

— А коврижку?

— Вот бессовестный!

— Не бессовестный, а голодный.

— В корзинке, позади тебя, я их салфеткой прикрыла, чтоб не заветрились. И, между прочим, ты даже не представляешь, чего мне стоило стянуть их с кухни! Все к свадебному пиру готовятся, сами сегодня толком не ужинали! А уж завтра и подавно голодными ляжем со всей этой суматохой.

— Вижу, — обрадованно ослабилась брауни, приподнимая льняную салфетку и запуская жадную лапку в корзинку. — Чавк-чавк... Ну вот. Там твои родители зятя будущего обсуждали. Не бойся, не старый хрыч, вполне даже молодой.

— А красивый? — с надеждой спросила Нэрис.

— Про энто они не говорили, — подумав, ответил брауни. — Но говорили, что его вся Шотландия знает. А еще говорили, что за него сам король ходатайствовал. Он, кстати, вроде как самолично присутствовать будет на свадьбе-то. Во как! Так что, знатный, наверное, женишок. Считай, свезло.

— Странно, — нахмурила брови Нэрис. — Если уж и сам король... Ничего не понимаю. Любая бы пошла, и познатнее! Почему я?

— А чего с тобой не так? — даже обиделся домашний дух, окинув девушку взглядом рачительного хозяина, обзирающего свои владения. — Чай, не кривая, не увечная, не блаженная. По

мне, так девка ладная. Все при тебе. И приданое солидное. Такое мое мнение.

— Так-то оно так, — с сомнением протянула невеста. — Однако...

— Да не забивай голову, — отмахнулся брауни, тяжело спрыгивая со стола. — Смысла ж все одно нету. Ложись-ка спать лучше! Третий час ночи.

— За тобой бы не бегала, спала бы уже, — буркнула она и поднялась. — Ладно. Иди присмотри за всем, чтоб мы в пятницу перед его величеством не осрамылись. На свадьбу придешь?

— В церковь?! — поперхнулся брауни.

— Да нет, конечно! — Она улыбнулась, скинула туфельки и забралась под одеяло. — На пир. Я тебе угощение потихоньку соберу со стола. Пирог мама сама печь будет. — Нэрис зевнула.

Домашний дух мечтательно облизнулся:

— Да, пироги у твоей маменьки знатные. Ты спи!

— Угу...

— Ну вот и славненько, — одобрительно кивнул заботливый комок шерсти, глядя на тихонько сопящую в подушку девушку. Засыпала она всегда мгновенно. — Эх, выросло дитяtko. Скоро крылышки расправит да и улетит из родного гнезда! — Он сентиментально вздохнул, на цыпочках подкрался к кровати и заботливо подоткнул одеяло. — Спи. А я уж о порядке позабочусь.

Домашний дух скользнул к двери, стараясь не скрипеть половицами. Несмотря на частые «приступы вредности», как их называла Нэрис, маленький брауни был существом очень деловитым и хозяйственным. А уж такое важное событие, как свадьба дочери хозяина замка, выросшей чуть ли не у него на лапах, и во все обязывало быть на высоте! Столько гостей съедется, сам король Шотландский, это ж честь какая! Лицом в грязь ударить ну никак нельзя! Брауни выскользнул из светелки и неслышно засеменял по коридору, тихонько бормоча себе под нос:

— Так, в конюшне порядок навел, на мельнице еще утром был. В большом зале ни пылинки, ни соринки. Петли смазал, занавески подлатал. Котлы бы начистить, так разве ж сейчас к кухне подойдешь? На последнюю ночь оставляю, уж за два-то дня они управятся со стряпней. Что еще?

Сбоку раздался писк. Брауни повернул голову и сердито шикнул на крысу, высунувшую нос из щели в полу:

— Брысь отседа! Расплодились! Чтобы к пятнице ни одной даже духу наверху не было! Девочку мне перепугаете. Поняла?!

Крыса нехотя пискнула и исчезла. Хозяйственный дух удов-

летворенно кивнул и побежал дальше. Дел у него было невпроворот, а до рассвета оставалось уже совсем немного времени.

Ивар медленно обошел вокруг стола и остановился, изучая напряженным взглядом лежащее перед ним неподвижное тело. Оно было страшно изуродовано, но, несмотря на это, несомненно, принадлежало Патрику Мак-Альпину. «Пожалуй, хоронить придется в закрытом гробу, — подумал Ивар. — Зрелище крайне пугающее. И его величеству такое, пожалуй, видеть не следует, но... он имеет на это право. И как король и как отец».

— Эх, — донеслось с противоположной стороны стола.

— Да, Творимир, дело скверное, — согласно кивнул глава Тайной службы, закатывая рукава. Пора было приступать. Тело, пусть его и держали постоянно обложенным льдом, согласно законам природы уже начало разлагаться. — Ну, начнем. Готов?

Звякнула крышка чернильницы, зашуршала бумага. Ивар склонился над принцем.

— Так... Общее состояние тела полностью подтверждает рассказ очевидцев. Судя по множественным переломам, глубоким ссадинам и начисто содранной с лица коже, тело упало с обрыва плашмя. Согласно полученным сведениям, внизу обрыва есть каменистый покаты́й спуск. Об него принц и расшибся. Судя по всему, после падения тело по инерции еще протащило вперед. Это подтверждают и слова лорда Мак-Дональда о том, что погибшего нашли лежащим лицом вниз, и то, что от его лица практически ничего не оста...

Он вдруг замолк.

— Эх? — вопросительно протянул немногословный Творимир.

Ивар не ответил. Он, нахмурившись, наклонился ниже к погибшему, внимательно изучая разодранную одежду на груди покойного. Потом его взгляд переметнулся на руки принца и принял недоверчивое выражение.

— Творимир, — наконец сказал лорд Мак-Лайон, — я правильно помню, обрыв хоть и высокий и крутой, но кое-где порос кустарником, так? Разве не естественно для сорвавшегося с него человека попробовать уцепиться за что-нибудь, чтобы замедлить падение? И разве не естественно в таком случае, даже если уцепиться не удалось, упасть в результате на спину, а никак не на живот? — Он помолчал и добавил: — Однако мы имеем прямо противоположное. Руки переломаны в двух местах, но ни царапин, ни ссадин на них нет. Выходит, либо он и не пытался удер-

жаться, либо спасительный кустарник был слишком далеко. И здесь есть только два варианта объяснения: или он сам спрыгнул с того обрыва, хорошенько оттолкнувшись от края, или... или его оттуда сбросили!

— Эх! — Перо, остановившись, царапнуло бумагу.

— Именно, — кивнул Ивар, стараясь не упустить мысль. — Первое предположение я отброшу сразу. Патрик не тот человек, что будет без причины кончать с собой, да и будь такая причина, я уверен, не стал бы. Причины не было, иначе это быстро стало бы известно. А что касается второго предположения... Просто так сбросить молодого и сильного мужчину с обрыва — задача нелегкая, да и не наделать шума при этом просто невозможно. Стало быть... Стало быть... Творимир! Помоги мне его перевернуть.

Вдвоем они осторожно перевернули тело на живот. Ивар снова склонился над столом:

— Так я и думал. Одежда практически не повреждена, открытых ран нет. Посвети-ка мне! Нет, вот здесь, у шеи. Ну конечно! Это все объясняет! Пиши: у основания черепа, на затылке, след сильного удара... мм... судя по характеру раны — чем-то тяжелым и необработанным, скорее всего, камнем. Череп проломлен. Тому, кто это сделал, силы не занимать. Скорее всего, этот некто подкрался к принцу сзади и ударил по голове. Рана, вероятно, оказалась смертельной. Затем убийца... ну-ка, давай снова перевернем его на спину. Так... Посвети еще! Ага... Пиши: лосины на коленях испачканы землей и травяным соком. То есть, судя по всему, принц, оглушенный либо уже мертвый, упал на землю, а уж потом его подняли, отволокли к обрыву и сбросили, чтобы создать впечатление, будто он сорвался оттуда сам.

— Эх... — неуверенно прокомментировал Творимир.

Ивар хмыкнул:

— И тем не менее я уверен, что так оно и было! Погоди-ка... — Он наклонился над телом и осторожно выудил что-то из разорванных складок высоких кожаных ботфортов. — Под обрывом сплошной камень. На самом обрыве, кроме упомянутого кустарника, ничего не растет. Так откуда же в таком случае взялось это? — Он вытянул руку. На ладони лежал измятый и испачканный землей цветок клевера. — Да, дружище, это только подтверждает мою теорию. И кое-что говорит нам об убийце. Пожалуй, я переоценил его физические данные. У него хватило сил проломить Патрику череп, но не хватило — донести тело до края обрыва. Он его поволок, и клевер — первейшее этому доказательство. В таком случае на месте убийства могли остаться не только следы

самого преступления, но и следы того, кто его совершил. Вряд ли это было сделано на открытом месте, да и сомнительно, чтобы убийца позволил остальным это самое место увидеть... Значит, у нас есть шанс найти еще хоть что-то. Творимир!

— Эх...

— Ну кто-то же должен это сделать? — развел руками Ивар. — А тебе, дружище, с твоими способностями — сам бог велел. Поезжай в Хайленд, обнюхай каждую травинку вокруг того злосчастного обрыва и попытайся хоть что-нибудь отыскать! Хотя бы следы того, как волокли тело. Впрочем, я знаю, что ты их там найдешь. Много времени это не займет. Я бы занялся сам, но мне и здесь от забот не продохнуть. Поезжай, друг! Ты быстрее обернешься.

Творимир кивнул и положил на край стола исписанный каракулями лист. Глава Тайной службы улыбнулся:

— Оставь, я сам закончу. У нас мало времени. Встретимся прямо в Файфе! Свадьба, пускай и такая спешная, все-таки важный день... мне бы хотелось, чтоб ты присутствовал.

— Эх, — добродушно буркнул в бороду товарищ, пряча улыбку. Хлопнул королевского советника по плечу и, не прощаясь, вышел. Он был человек дела.

Ивар Мак-Лайон, оставшись один, вздохнул и взял в руки перо. Доклад об осмотре тела нужно закончить и представить его величеству. Как можно скорее. Похороны были назначены на утро.

— Значит, Файф.

— Король отбыл еще до заката. Значит, к утру будет там.

— Мак-Лайон с ним, конечно?

— Разумеется. И он и его люди. И еще тридцать человек свиты. Можно даже не пытаться, это слишком рискованно.

— Знаю. Черт возьми, так все удачно складывалось! Нам бы времени, еще недельки две-три! От него требовалось всего-навсего соблюсти приличия и выдержать траур хотя бы наполовину! А вместо этого...

— Соблюдай он все приличия, он бы не был королем Шотландии. Да успокойся, все устроится!

— Каким образом, если не секрет?! Ты знаешь, кто такие Максвеллы? Ты знаешь, какая за ними сила? И знаешь, что будет, когда они породнятся с Мак-Лайоном?

— Уверен, что лучше всего это знает сам Мак-Лайон. Послу-

шай, может, нам его все-таки?.. Меня всегда раздражал этот проныра.

— Э, нет! С ним связываться — себе дороже. Лучше уж упокоить Кеннета. И проще и, если уж честно, шансов не в пример больше.

— Чтобы потом Ивар Бескостный нас вычислил и на сосне повесил? Уволь... Мне на старости лет такие радости без надобности. Хотя в одном ты прав: убрать бы Мак-Лайона с дороги, с его величеством быстро бы покончили! Только вот как? Кеннет не гончую, а настоящего сторожевого пса вырастил! К Мак-Лайону так просто не подберешься.

— Если позволите, благородные лорды...

— А тебя никто не спрашивал, как мне кажется! И вообще, ты бы поторопился. Тебе утром надо быть в Файфе. Как и нам всем.

— Я там буду. И гораздо раньше вас. У меня предложение, которое устроит всех. И за определенное вознаграждение я готов им с вами поделиться.

— Продажная тварь...

— Как хотите. Тогда до завтра!

— Стой! Чистоплюй... Давай свое предложение.

— Убить короля у вас не получится, потому что рядом с ним лорд Мак-Лайон и его люди. Так?

— Ну.

— А убить лорда у вас не получится, потому что... потому что не получится. Но упрятать его подальше, чтобы не докучал, можно вполне. Причем только из уважения к вам, согласен заняться этим лично.

— Хватит болтовни! Ближе к делу!

— Сначала деньги.

— Чтобы ты потом меня надул?

— По-моему, такого раньше не случалось...

— Да черт с ним, дай ты ему денег! У нас времени в обрез! И еще до Файфа добираться...

— Под твою ответственность. И не ухмыляйся, умник, я лично прослежу, чтобы ты нас не нагрел! Вот, столько хватит? Прекрасно. А теперь — я тебя слушаю...

Нэрис молча смотрела на лежащее поверх покрывала платье. Пышное, атласное, с высоким кисейным воротником, с богато отделанным серебром поясом... и голубое. Бледно-голубое. Какой омерзительный цвет!

Девушка тяжело вздохнула:

— Это похоже на маму. Выбрать для дочери то, что идет ей самой...

— Госпожа, пора одеваться, — высунулась из-за плеча молодой хозяйки шестнадцатилетняя служанка. — Вы опоздаете!

— Да, конечно, — опомнившись, кивнула невеста и быстро отвела взгляд от кровати. — Давай поскорее. Чем быстрее мы со всем этим покончим, тем быстрее я смогу его снять. Что ты хихикаешь, бесстыдница?! Тебя бы нарядили этаким пугалом!

— Ну что вы, госпожа! — искренне вознегодовала девушка, берясь за ворох нижних юбок. — Такое красивое платье! И жемчуг кругом! Повернитесь-ка. Вот так. А теперь поднимите руки. Ах, какая ткань! Словно масло, такая гладкая! Ваш папенька отдал целое состояние за этот атлас! А уж что касается вышивки...

— ...то ее слишком много! — сердито сказала Нэрис, послушно поднимая руки. — Бесс, «очень дорого» — это еще не значит «очень хорошо».

— Ой, не знаю, — с сомнением пропыхла та, одергивая шуршащий атласный подол и принимаясь за мелкие пуговицы на лифе. — Ну оно ж правда очень красивое! Да будь у меня такое платье...

— Будь у тебя такое, тебе бы оно пошло. У тебя и волосы светлые, и фигура другая, — грустно сказала госпожа, с отвращением глядя на себя в большое зеркало. — Господь всемогущий...

— Красотища-то какая! — восторженно выдохнула служанка, любуясь на мягкие переливы атласных складок и вычурную серебряную вышивку. — Ой, госпожа, вы похожи на...

— Селедку в кружевах! — хмуро отрезала девушка. — Знаешь, Бесс, иногда, глядя на творения моей матушки, я думаю, что она намеренно шьет мне такие платья, чтобы хорошо выглядеть на моем фоне!

— Ну что вы! — всплеснула руками та, но не выдержала, фыркнула. Она была девушкой воспитанной и любила свою молодую госпожу, да и платье ей очень нравилось... Но в душе Бесс была, пожалуй, согласна с Нэрис: роскошное подвенечное голубое платье, которое неделю без сна и отдыха шили всем замком, не шло невесте совершенно! Слишком пышное для миниатюрной худощавой Нэрис, которая в свои двадцать лет казалась младше крепко сбитой молоденькой служанки, слишком помпезное, слишком... В общем, все в нем было слишком! А уж нежно-голубой цвет и вовсе делал невесту бледной, как смерть, восковой куклой.

— Отвратительно, — вынесла вердикт расстроенная хозяйка. — И знаешь, Бесс, что самое обидное?

— Что?

— А то, что маму не переубедить! Если уж она вбила себе что-то в голову...

— Она ведь хотела как лучше! — развела руками Бесс. — Не расстраивайтесь, госпожа. Уж один-то день можно потерпеть! А потом спрячете его и забудете. Хотя если по мне — так все обзавидуются!

— «Все» — это жены и дочери наших соседей? — сморщила нос Нэрис. — Это да-а-а. Еще месяц будут обсуждать, сколько папа дал за атлас, где мама берет такое тонкое кружево и, разумеется, настоящий ли жемчуг! А мне вот интересно: увидит ли кто-нибудь за этим «шедевром» меня?

— Не расстраивайтесь, — повторила служанка, сочувственно погладив ее по плечу. — Зато ваш будущий супруг сразу увидит, что он не ошибся в выборе! Если уж ваш отец смог позволить себе такое платье, то какое он даст за вами приданое!

— Спасибо, — кисло усмехнулась девушка. — Утетила! Нет, я, конечно, все понимаю... но знаешь, Бесс, хотелось бы, чтобы женились на мне, а не на деньгах моего батюшки.

— Если ваш папенька дал свое согласие, то и жених небедный, — по-своему поняла слова госпожи Бесс. — И, я слышала, недурен собой!

— Да? — вяло удивилась невеста. — Это радует. А от кого ты слышала?

— Ну как же! — затараторила служанка, ловко прилаживая на корсаж букетик фиалок. — Мне сказала Катерина, наша прачка, а у нее муж зеленщик, а у него брат портной в Перте! А у брата жена ходит мыть полы по найму, и когда она была в доме Робертсонов, у них как раз гостил лорд Мюррей, ну, знаете, из кинросских Мюрреев, ну и...

— А покороче? — Нэрис задумчиво рассматривала свое отражение: «Немочь бледная. Других слов и не подобрать. Да еще эти фиалки...»

— Ну, так я и говорю: к лорду Мюррею приехал какой-то важный господин, то есть он не то что сам по себе важный, но Катерина сказала, что жена брата ее мужа сказала, что сам лорд Мюррей перед ним на цыпочках ходил, а уж он, говорят, задира, этот лорд Мюррей! А тут, говорят, стал весь как есть пришибленный, и руки трясутся! А потом важный господин поговорил с лордом Мюрреем и уехал, и даже на ужин у Робертсонов не остался, а

жена брата мужа Катерины возьми и спроси у ихней кухарки, кто, мол, это такой? А кухарка спросила у горничной, а горничная слышала, господа говорили — это лорд Ивар Мак-Лайон, он самому королю личный друг и воспитанник, а еще он советник и хранитель какой-то там печати, а еще у него...

— Ну, хватит, — решительно остановила ее Нэрис. — А то у меня сейчас голова пойдет кругом! Что он человек влиятельный, я в курсе. А раз им вся женская часть прислуги так интересуется, значит, и вправду не урод. Хотя, если вдуматься, какая разница? И... Знаешь что, Бесс?

— Что?

— Снимай фиалки!

— Но как же...

— Я говорю, снимай! И пуговицы расстегивай! — Нэрис вздернула подбородок. — Если маме так уж нравится это платье, пускай сама его и носит! Сколько у нашей семьи денег, судя по спешке, мой будущий супруг и так знает. И ему, я думаю, наплевать, что там на мне будет надето. Ему, в сущности, и внешность моя без разницы, коли он даже на смотрины приехать не соизволил. А раз так, я не собираюсь в самый важный день своей жизни выглядеть огородным пугалом! Что ты глазами хлопаешь? Снимай ты уже с меня это платье, мы в церковь опаздываем!

— Но... но... как же можно?! Ваша маменька...

— Через несколько часов я стану замужней женщиной! — отрубил непокорная дочь, беспощадно отдирая от лифа букетик. — И моей маменьке придется с этим смириться! Снимай платье, говорю! Я надену другое!

— И какое же? — Бесс вздохнула, снова взявшись за пуговицы. — Второго ведь не шили!

— Бархатное, с кистями, — сказала Нэрис. — Мое любимое. Я его перешила, думала завтра надеть. Надену сегодня!

— С кистями?! — ахнула служанка, округлив глаза. — Зеленое?!

— Да!

— На свадьбу?!

— Именно! Не копайся ты, уже лошадей наверняка подали.

— Но ведь... зеленое на свадьбу — это ж хуже черного крепа!

А если еще вас в нем увидят родители...

— Увидят, а как же, — кивнула невеста. — Только уже в церкви, а тогда будет поздно.

— Но что гости подумают?

— Бесс, они могут думать что угодно. И говорить могут тоже что угодно. Но это моя свадьба и мое платье, черт возьми!

— Госпожа!..

— Ну хорошо, извини, не сдержалась. Быстрее, я тебя прошу, если не успеем, мне придется до старости вспоминать свое венчание как самый худший день в жизни. Уф... ну наконец-то. Давай сюда зеленое!

В дверь постучали, и из коридора донесся встревоженный женский голос:

— Несс, ты готова? Уже давно пора ехать!

— Еще минутку, мама! — крикнула девушка и быстро зашептала: — Ну не копайся же ты. Давай сюда платье, сама надену. Плащ, скорее!

— Зачем ты заперлась? — Ручку двери подергали. — Все в порядке?!

— Да, мама! Господи, Бесс! У меня всего четыре теплых плаща, что ты там возишься?!

— Сейчас, госпожа... вот! Давайте я помогу... И все-таки зря вы это сделали. Когда ваша мать узнает, что вы пренебрегли ее подарком, а я не помешала... Она меня точно выпорет!

— Не мели ерунды, тебя в жизни не пороли. А что касается «пренебрежения»... Дай-ка мне графин! Да, с вином!

— Для храбрости?

— Бесс, ей-богу! Что за глупость? Давай сюда.

— Дорогая, я ничего не понимаю! — окончательно встревожился голос за дверью. — Что у тебя там стряслось?! Открой!

— Мама, все в порядке! — Нэрис взяла в руки графин. — Спускайтесь, я сейчас выйду! Так, Бесс, подними этот голубой кошмар повыше. Ага... Лифом ко мне поверни. — Она перевела дух, храбро зажмурилась и, боясь передумать, одним движением выплеснула содержимое графина прямо на голубой атласный подол. — Вот!

— О господи! — Служанка ахнула и прижала свободную ладонку ко рту: на роскошном атласе расплывалось здоровенное багряное пятно.

Нэрис подмигнула и с чувством выполненного долга поставила графин обратно на столик:

— Теперь мама и слова не скажет! Платье испорчено, а шить другое у нас нет времени. Пошли!

— Ах, госпожа... Ну как же можно? Такое прелестное платье! — едва не плача, всплеснула руками Бесс. — Вино же... оно не отстирается!

— Не хнычь. — Нэрис поплотнее запахнула полы плаща и направилась к двери. — Положи его, и пойдем! И не надо смотреть на меня, как на чудовище. Там ткани локтей на пятьдесят, папа не поскупился. На лиф и пояс вино не попало, потом просто перешьешь со шлейфа. И не делай из этого трагедию, я тебя прошу!

— Но как же...

— Бесс, — уже взявшись за ручку двери, девушка с улыбкой обернулась, — ты прекрасно шьешь! И, я уверена, когда придет время тебе выходить замуж, ты будешь самой красивой невестой.

— Простите?..

— Я дарю тебе это платье, глупая!

— Мне?! — снова ахнула девчужка. — Вот... это?!

— Да! — фыркнула невеста. — И хватит охать, побежали! Я и без того всегда кругом опаздываю, если еще и на собственную свадьбу... Папа будет очень расстроен. А маму, скажем прямо, и так ждет большое потрясение!..

Ивар спрыгнул с коня и огляделся. Народу! Кажется, поглазеть на свадьбу дочери негласного властителя Файфа собралось все его население от мала до велика. Площадь перед церковью была запружена народом, толкотня — невероятная. Прибывающие гости из числа самых знатных семей Лоуленда (да и не только его) вносили еще большую неразбериху, бесцеремонно проталкиваясь на лошадях к ступеням храма буквально по головам простого люда. Впрочем, те были не в обиде: для них, не избалованных жизнью, даже чужой праздник все равно оставался праздником. Кроме того, на площади, чуть в стороне, уже накрывали деревянные столы, чтобы любой присутствующий, какого бы он ни был сословия, мог по окончании брачной церемонии выпить за счастье молодых!

Лэрд Вильям Максвелл в преддверии счастливого события наступил на горло собственной бережливости, приличествующей любому успешному торговцу, и велел выставить десяток бочек доброго красного вина, а столы уставить снедью, дабы каждый, кто пришел сегодня на свадьбу его единственной дочери, приглашенный, нет ли, остался доволен. Опять же: доволен работник — доволен и хозяин! Даже в такой особенный день лэрд Вильям оставался собой. Ивар усмехнулся: его будущий тесть нравился ему все больше и больше. Остается надеяться, что и дочка не слишком разочарует! Просил же государя — хоть портрет достать, неужто сложность такая? Нет, какой бы ни была невеста, он, разумеется, женится. Но сохранить приличествующее

выражение лица, если сейчас на площадь въедет перезрелая карга в бородавках и кружевах, будет трудно. Было бы время, съездил бы сам в Файф заранее, на смотрины (пускай и постфактум), но времени не было совсем. Чертовски обидно!

— Расслабься, — хихикнули рядом. — Я тут пробежался по площади, в пару лавок заглянул, с местными пообщался. Все не так уж и плохо! Девица, конечно, не первой молодости, но...

— Том, отвяжись, — смутился Ивар. — И не такое видели... Лучше, вместо того чтобы по лавкам шастать, за Мак-Тавишами бы присмотрел. Опять влезут куда не надо и все дело мне испоганят. Где они?

— Так где ж им быть, как не возле выпивки? — Томас Нивен, волынщик, насмешник и балагур, весело хохотнул. — У бочек околачиваются, слюни роняют. Да не кривись! Я с ними Творимира оставил, у него не забалуешь. Да и бочки до конца церемонии строго-настрога запретили открывать. Видно, случались уже эксцессы!

— Не сомневаюсь, — хмыкнул жених, — особенно, если в здешних краях найдется хоть один Мак-Тавиш. Что-то они запаздывают. Уже и его величество прибыл.

— Скоро будут, не волнуйся. — Томас поднялся на пару ступенек вверх и приставил ладонь к глазам. — Ну, что я говорил? Вон лошади пылят. Едет твоя суженая!

— Угу... Слушай, Том, бог с ним, с ее возрастом, а сама-то она — как?

— Была бы уродина, мне бы сказали, — хмыкнул тот. — Я и у девиц на выданье спрашивал, а их, сам знаешь, хлебом не корми, дай только товарке косточки перемыть! Про красоту неземную не слышал, но и чтоб совсем уж наоборот — тоже. Говорю же тебе — расслабься! В любом случае поздно уже... А камзол ты все-таки зря серый надел.

— Отстань. Мне нравится.

— Нравится! Да ты в нем на крысу канцелярскую похож, а не на жениха! Совсем одеваться не умеешь.

— Да где уж мне, темному? — съязвил Ивар, окинув взглядом разодетого в пух и прах по последней моде волынщика.

Тот довольно ухмыльнулся и, оглянувшись на толпу, торопливо зашептал:

— Прибыли! Воротник поправь, видишь, народ расступается? Иди... Встречай свою нареченную! Совет вам, как говорится, да любовь.

— Хватит ехидничать! — проскрипел лорд, торопливо одергивая камзол. — А то я тебя тоже женю.

— Молчу, молчу! — Томас фыркнул и исчез за спинами гостей. Ивар сделал шаг вперед.

Весело гомонящий народ расступился, давая дорогу семейству Максвеллов во главе с лэрдом Вильямом. Зазвонили колокола. Нэрис непроизвольно поежилась. Ну, вот оно. Сейчас они подъедут к крыльцу, отец спешится, подаст ей руку. Ах, господи, папе надо меньше есть! Совсем из-за его спины ничего не видно!

— Мама, — шепнула девушка, — ну что?

— Не волнуйся, дорогая, — понимающе улыбнулась леди Максвелл, всматриваясь в толпу у крыльца. — Кажется, все не так плохо. Главное, не подавай виду, даже если он тебе все-таки поначалу не приглянется! Скажу честно, твой отец меня тоже не поразил, когда я увидела его в первый раз!

— У вас хоть было время познакомиться, — пробормотала девушка.

— Что, милая?..

— Да это я так. Ничего, все в порядке, мама, — быстро сказала Нэрис, опуская голову.

Лошади остановились. Звон колоколов оглушал. Краем глаза Нэрис заметила, как отец спрыгнул с седла, освободив обзор, но сейчас поднять глаза и посмотреть на того, кого ей уготовила судьба, у девушки не хватило духу. «Успею, — подумала она, протянув руку и опершись на плечо лэрда Вильяма. — У меня еще вся жизнь впереди. Слава богу, я ни в кого влюбиться не успела! Было бы... чертовски обидно!»

— Я возьму твой плащ, дочка, — раздался над ухом отцовский бас.

Нэрис вздрогнула и оторвалась от своих раздумий. Плащ. А под плащом... Ох, Господи, будь милосерден, лиши дорогую маменьку зрения или, уж на худой конец, дара речи! Хотя бы на пять минут! Потому что, когда она это увидит...

— Позвольте, лэрд, я сам, — раздался другой мужской голос, и чья-то рука в перчатке легонько коснулась ее локтя.

Она вскинула глаза.

Ивар внутренне вздохнул с облегчением. Стоящая перед ним невысокая хрупкая девушка уж никак не походила на то, что он успел себе нафантазировать. Да, не ослепительная красавица, бледненькая (ну это естественно, когда выходишь замуж, да еще

и за совершенно незнакомого человека!), но... пожалуй, хорошенккая. Жемчуг в волосах, серо-зеленые глаза глядят настороженно. Бойтся. Ивар ободряюще улыбнулся и неожиданно для себя заговорщицки подмигнул своей невесте. Она вздернула брови и неуверенно улыбнулась в ответ. Ну вот. Уже лучше. Когда улыбается, так и вовсе очаровательная. «Везучий ты, мерзавец!» — подумал он про себя и протянул руку:

— Позвольте ваш плащ, леди?

— Плащ? Ах да... — Нэрис глубоко вздохнула и решительно потянула ленту у воротника. Будь что будет!

«Ах...» — сдавленно раздалось сзади. По людской толпе пробежала волна. Ивар перебросил плащ через руку и подставил невесте локоть:

— Прошу вас. Не стоит, наверное, заставлять всех ждать? — Он улыбнулся и посмотрел в сторону открывающихся дверей церкви. Девушка быстро кивнула, взяла его под руку и решительно двинулась по ступеням вверх. Ивар удивленно хмыкнул — какая резвость! Хочет покончить со всем поскорее? Ему на мгновение стало совестно. Малышка и вправду была славная. Может, все-таки стоило сначала поинтересоваться ее мнением? Или, чего доброго, у нее уже есть сердечный друг? — Мне, вероятно, стоило спросить вашего... — начал было он, сам не зная зачем, но девушка только стиснула сильнее его локоть и прибавила шаг. — Леди, я в самом деле думаю, что если вы этого не желаете...

— Сир, — тихо сказала она, не поворачивая головы, — я вас умоляю... пожалуйста... женитесь уже на мне быстрее!

— Что? — опешил он. «Вот тебе и «нежный цветок»!»

— Вы знакомы с моей матерью? — вместо ответа спросила она.

— Не имел пока удовольствия. Но... если это та леди, что сейчас пытается взбежать следом за нами с перекошенным лицом...

— Именно, — фыркнула она и посмотрела ему в глаза. — Сир, я вам не нравлюсь?

— Нравится, — не раздумывая, ответил он и добавил вполгласа: — Но убей меня бог, если я что-то понимаю!

— Платье! — трагическим шепотом сказала она.

— Красивое платье... При чем тут ваша мать?!

— Я вам после объясню, — пообещала она.

Ивар недоуменно моргнул и, подумав, пожал плечами.

Свадебная процессия торжественно вступила под своды храма. Зазвучал орган вперемежку с колокольным звоном. Было громко, но, по крайней мере, это хотя бы частично заглушило

причитания обманутой в лучших чувствах леди Максвелл и ропот толпы на площади. Нэрис перевела дух и замедлила шаг. Ну, кажется, самое страшное позади! Разве что... «Поздравляю тебя, дорогая, — сама себе сказала она, — ты только что наплевала на традиции, едва не довела до обморока родную матушку и выставила себя полной дурой перед будущим мужем! Который... который, кажется, мне тоже понравился...»

ГЛАВА 2

Пир был в самом разгаре. Одна за другой поднимались серебряные чаши с вином, звучали поздравления и пожелания семейного благополучия, подносились свадебные подарки. Гости пили и ели, принесенные из дому платки уже лопались от угощения, которое предстояло взять с собой¹, а столы все равно ломились от всевозможных яств. Лэрд Вильям, уже основательно захмелевший, подсев к новоиспеченному зятю, что-то вдохновенно рассказывал. Ивар кивал и улыбался. Сидящий тут же его величество Кеннет Мак-Альпин изучал взглядом гостей. «Весь Лоулэнд собрался, — думал он. — Ты погляди, распри распрями, а на дармовщинку, как воронье, со всей Шотландии слетелись! Опять же и королю почтение засвидетельствовать. Дагласы, Бойды... Гамильтоны... Да тут и Гектор Гордон, глава клана Гордонов, собственной персоной! Сидит, с Морганом Гамильтоном любезничает. Кто бы мог подумать, что они на дух друг друга не переносят? С другой стороны, оба еще из ума не выжили, чтобы в моем присутствии отношения выяснять! — Его величество чуть повернул голову и внутренне усмехнулся: — Ну, разумеется, без лордов Нагорья тоже не обошлось. И Мак-Грегоры здесь, и Шон Кэмпбелл... Нокс Маккензи — ну, он скорее мой гость! Мак-Дональд не явился, это понятно. Монаршего гнева опасается. Как только лэрду Максвеллу удалось их всех здесь собрать? И... ему ли эта идея пришла в голову? Я бы скорее предположил, что благородные лорды сами напросились, наступив на горло собственной спеси. Не будь тут меня, они бы, вероятно, и знать не знали какого-то там торговца с побережья! Хотя... — пытливый взгляд государя переместился на левую сторону стола, где сидели гости

¹ В Средние века на свадебных пирах гости, как правило, съедали только те блюда, которые нельзя было унести с собой. Хозяйева свадьбы зачастую предусматривательно ставили на стол сырую говядину кусками, которую гости потом забирали домой.

лэрда Вильяма, — хотя, если за твоей спиной стоят норманны, ты по определению не «какой-то там». Конунг Олаф Длиннобородый с сыновьями, ярл Ренгвальд Фолькунг и ярл Ингольф Рыжий, сэконунг¹ Асгейр с дружиной... Надо полагать, их-то уж точно пригласили. Со всем уважением... Лэрд Вильям далеко не дурак. И, похоже, Ивару с родней повезло больше, чем мне».

На левой стороне стола произошло шевеление, и с лавки медленно поднялся сэконунг Асгейр с чашей в руке. Он ничего не сказал, но разговоры в зале смолкли в одно мгновение, и глаза всех присутствующих обратились в сторону высокого гостя, имя которого, как храброго воина и опытного морехода, гремело не только по всему Северному морю, но и по близлежащим землям. Асгейр поднял чашу и посмотрел в лицо также поднявшемуся лэрду Максвеллу.

— Вильям! — сказал он.

— Асгейр! — ответил хозяин.

Они залпом осушили кубки и снова уселись на свои места. Кеннет вздернул бровь, но промолчал.

— Это древний обычай северян, — тихо шепнула сидящая рядом Нэрис, заметившая королевское недоумение. — Как бы... знак уважения! Сэконунг Асгейр — большой друг моего отца.

— Вот как? — улыбнулся Мак-Альпин. — Понятно... А конунг Олаф? Я смотрю, он тоже поднимается?

— Я не знаю, как насчет дружбы... — начала было девушка, но замолкла.

Слово взял Олаф Длиннобородый.

— Красиво говорить я не умею, — басовито сказал он, — а длинно не люблю. Поднимем чаши за молодых! Пусть отныне идут по жизни рука об руку, и да обойдут их стороной шторма жизни! — Все потянулись к чашам, но Длиннобородый сделал знак рукой, как будто говоря, что он еще не закончил. — Прежде чем мы осушим кубки, я хотел бы, как и положено, принести свои дары. Помимо золота, шелка и мехов, Вильям, что ты даешь в приданое своей дочери, я хочу, в знак моего уважения к тебе, сделать не менее ценный подарок. Мой младший сын Эйнар, вместе с его дружиной в сорок человек, останется здесь и будет служить твоей дочери... и ее супругу. Я так решил.

— Олаф... — не веря своим ушам, выдохнул благодарный лэрд.

¹ Сэконунг — в иерархии Средневековой Скандинавии титул конунга, не имевшего земельных владений и ведущего странствующий образ жизни на корабле.

— Примешь дар конунга? — посмотрел на него Длиннобородый.

Вильям поднялся со скамьи и поклонился:

— Приму.

— Добро, — удовлетворенно кивнул Олаф, поднимая повыше чашу с вином.

Зазвенели, сталкиваясь, кубки. Кеннет Мак-Альпин едва удержался от ухмылки, исподтишка глядя на слегка вытянувшиеся после заявления конунга лица своих лордов. Не ожидали, собачьи дети? Ну, так получите! Если уж по правде, он и сам такого поворота не ждал. Ему, пожалуй, хватило бы и того, что теперь за Иваром (если точнее — за семьей его молодой жены, что, в сущности, практически одно и то же) стоят норманны. А уж при таком раскладе... Конунг Олаф Длиннобородый — могущественный человек. Он оставил здесь своего сына. А все прекрасно знают, что для норманнов значит кровное родство! Это вам не наша наполовину продажная знать... Кеннет даже немного огорчился, что сам не может поступить по примеру своего советника и жениться на дочери того же конунга. Норманны — это, конечно, сила, но посади дочку одного из них на трон — и папаша тут же озаботится расширением своих владений. А жаль. Король Шотландский философски вздохнул и взял с блюда кусок пирога с зайчатиной.

Нэрис потихоньку стянула со стола пару печенных в меду яблок и присовокупила их к уже уложенным в льняную салфетку пирогам и румяной жареной тушке перепела. Пожалуй, хватит ему. Нечего объедаться... Да и все равно, после пира на кухне ведь что-то останется! Сливки лакомка брауни получил еще утром, так что, думается, ворчать ему сейчас будет не на что. Девушка завязала салфетку узелком и потихоньку огляделась. Гости шумно пировали, его величество с видимым удовольствием поглощал уже третий кусок пирога, лорд Мак-Лайон, с чашей в руке, беседовал с Вильямом Максвеллом. Леди Максвелл не было. После пережитого утром у нее разыгралась мигрень, да и видеть строптивую дочь ей, по всей вероятности, сейчас не хотелось. «Ну, что уж поделаешь, — вздохнула про себя Нэрис, — сделанного не воротишь. Да, в сущности, коли и можно было бы повернуть время вспять, она бы все равно поступила так же! А что до мамы — погневаается и простит. Не в первый раз. Как бы так потихоньку выскользнуть из-за стола? Быть невестой, конечно, приятно, но когда на тебя по большей части обращены

все взгляды... И ведь скоро начнутся танцы — тогда уж точно будет не до брауни. А он, чего доброго, еще и обидится».

Нэрис еще раз огляделась, отметила, что гости заняты трапезой и разговорами, и тихонько поднялась.

— Вы нас покидаете? — улыбнулся Кеннет, заметивший этот маневр.

Девушка сконфузилась:

— Я выйду на минутку, ваше величество. Мне... Я... Маме нездоровится, придется мне за всем присмотреть! Стол пустеет, а слуги, видно, увлеклись на кухне празднованием. С вашего позволения!

Она отодвинула стул и, пряча в складках подола узелок, шагнула к двери, из-под опущенных ресниц наблюдая за остальными. Кроме короля, кажется, никто не обратил внимания. А, нет! Ее муж (даже как-то странно его так называть: вчера был еще незнакомым человеком, а сегодня уже — законный супруг!), заметив, что место невесты опустело, пересел поближе к королю, воспользовавшись тем, что лэрд Вильям повернулся к соседу слева. Ну, по крайней мере, никто, кажется, не против ее временного отсутствия! Она сделала шаг назад и спиной налетела на кого-то. Этот «кто-то» ойкнул и весело проговорил:

— Осторожнее, леди Мак-Лайон! Вас едва не зашибли подносом! Ивар, между прочим, я только что спас твою супругу от неминуемого столкновения и винного душа! Мне это зачтется?

— Я подумаю, — фыркнул Ивар, оглянувшись через спинку высокого деревянного кресла. — Вы не ушиблись, дорогая?

— Нет, ничего, — пролепетала Нэрис, смущенно улыбнувшись мужу, и обернулась в сторону невидимого спасителя. — Простите, я не имела чести...

— Томас Нивен, — представился стоящий перед ней рыжеволосый молодой человек с лютней через плечо. — Для вас, моя леди, просто Том! Я друг вашего супруга и волынщик его отряда... Осторожнее, поднос! — Он прикрыл девушку плечом и сердито шикнул на красноносого слугу со злополучным предметом в руках: — Обойти нас не можешь?! Что ты здесь топчешься? Простите, леди, не смею вас задерживать...

— Благодарю, — еще раз кивнула она и с облегчением выскользнула из зала.

За спиной у нее возмущенно пыхтел Томас, сцапавший за шиворот нерасторопного слугу:

— А ну-ка, голубчик, стой! Ты морду-то не отворачивай. Ну конечно! Уже «отпраздновал»! Дай сюда этот треклятый под-

нос, иначе ты еще и собственного короля с головой окатишь. Дай сюда, говорю, и брысь с глаз! Ваше величество, позвольте...

— Дай мне кувшин, Том, — сказал Ивар. — Аккуратнее, чуть не опрокинул же! Ты, по-моему, не намного трезвее того бедняги. Томас, брысь, сказано тебе, вон уже рукавом в миску влез! Я налью. А ты лучше спой!

— Это мы с удовольствием! — обрадовался тот, стряхнув с вышитого рукава рубахи капли соуса, и снял с плеча свой инструмент.

Последнее, что успела услышать Нэрис, сворачивая в длинный коридор, ведущий к кухне, это мелодичные звуки лютни. «Какой забавный! — с улыбкой подумала девушка. — И этот Ивар, кажется, приятный человек. Даст бог, мое замужество окажется удачным не только для него и папы».

По вполне понятной причине вход на кухню брауни сегодня был заказан. Пришлось снова спускаться в подвал... Нэрис прикрыла за собой тяжелую дверь, пристроила подсвечник в неглубокую стенную нишу и взгляделась в сырую темноту. Тишина. Странно, должен тут быть, больше ему прятаться негде.

— Чего ищешь? — насмешливо проскрипел знакомый голосок у нее за спиной. Нэрис ойкнула и обернулась. Домашний дух развел лапами в стороны: — Боялся, может, не ты... Уже два раза слуги за вином спускались. Схоронился тут, за дверью, и жду себе тихонько. Это у тебя там что? — Он с интересом принялся к дразнящему запаху из узелка. — Угощение? Мне?

— Тебе, кому же еще, — улыбнулась девушка, присев на ступеньку и развязывая салфетку. — Вот, прямо со стола!.. Пироги еще горячие. Ешь!

— Ну уважила! — одобрительно причмокнул брауни, цапнув с салфетки перепела и вонзаясь мелкими острыми, как дробленый камень, зубками в нежное мясо. — А то ведь с вашими праздниками голодный почитай с утра!

— А сливки как же?

— Так то когда было? — с набитым ртом возмутился обжора. — Чуть не на рассвете. А уже дело к вечеру! В брюхе аж звенит...

— Ешь, ешь, жалобщик... — фыркнула Нэрис, подвигая брауни медовое яблоко. — А мне вот и кусок в горло не лезет.

— Это зря, — прочавкал он. — Вкусно. Волнуешься, да?

— Конечно, — вздохнула девушка. — Не каждый же день я замуж выхожу! И не каждый день сам король Шотландии у меня по правую руку сидит.

— Так ты короля боишься, что ли? — хихикнул домашний

дух, в мгновение ока проглотив сладкое и облизнув шерстистую мордочку. — Как будто он не человек, как все... Он-то небось не смущается!

— Да, судя по всему, маменькины пироги его величество оценил, — улыбнулась девушка, вспомнив, как Кеннет увлеченно опустошал блюдо. — Жаль, она не видит! Уж как бы ей польстило!

— А что такое? Разве она не с вами?

— У нее голова разболелась, — поморщилась Нэрис. — После венчания...

— Ага! — хмыкнул брауни, ехидно блеснув глазками. — Стало быть, платье? Посвети-ка... Ну так я и думал!

— Ага, — кивнула девушка. — Очень мама расстроилась...

— А муж?

— Он, кажется, и внимания не обратил.

— Так ведь оно и главное! — весело махнул лапой домашний дух, принимаясь за пироги. — Жить-то тебе отныне с ним, а не с маменькой! Хотя, конечно, нехорошо это с твоей-то стороны...

— Ой, ну хоть ты не ворчи. И так уже наслушалась. Еще сколько соседи да слуги за спиной шептаться будут.

— Оно тебе важно? — заглянул ей в глаза домашний дух.

— Нет, — уверенно качнула головой девушка. — Мне с ними детей не крестить!

— Ну и вот, — удовлетворенно кивнул он, подбирая с салфетки последние крошки. — Как тебе супруг твой? По душе пришелся али как? Я, знаешь, все-таки не удержался, одним глазком из-за портьеры-то поглядел. Я, слышь-ка, боялся, что тебе какого завалышаго подсунут! Мало ли что молодой да влиятельный? А может, хромой какой, да рябой, да злыдень бездушный? Что ты хихикаешь?! — с негодованием шикнул на улыбающуюся девушку заботливый дух. — Чай, не чужая мне! Надо было удостовериться, чтоб все в порядке!

— И?..

— А чего? — раздумчиво ответил брауни. — Я, конечно, близко не подходил... Но так навскидку и с лица и в обращении — все как будто честь по чести. Теперь, пожалуй, и отпускать тебя не страшно. Ты это, весточки-то шли домой! — смущаясь от собственной сентиментальности, вдруг попросил он и, словно в оправдание, повторил: — Не чужая, чай... Тревожиться буду.

— Да как же я тебе напишу? — удивилась она.

— А ты не мне, ты батюшке с матушкой пиши! А я-то уж потихонечку, ночью, пока все спят, и почитаю!

Девушка кивнула и вздохнула с сожалением:

— Жаль, что тебе со мной нельзя!

— Куда уж мне-то? — в тон ей вздохнул домашний дух. — Там небось у мужа твоего в замке-то свой хозяин имеется! Да и... Дом на кого оставлю? Нет, никак нельзя! Мы, брауни, всегда при своем очаге должны находиться.

Они примолкли. Словно легкое облачко грусти набежало на солнце, покрыв тревожной тенью веселый праздник. И даже, казалось, где-то вдалеке смутно прозвучали громовые раскаты. Оторвавшись от своих мыслей, Нэрис подняла голову и прислушалась.

А ведь не показалось!..

Из-за толстой двери со стороны главной залы доносился глухой гул голосов, неясные выкрики. И эти звуки совсем не были похожи на обычный праздничный гомон.

— Не так что-то! — первым высказался брауни, юркнув к двери и тревожно наострив покрытые шерстью ушки. — Слышишь?

— Да. — Она нахмурилась. — Надо вернуться. Может, меня потеряли?

— Нет, — уверенно помотал головой он. — Не то. Нехорошее что-то... А ну-ка, сиди тут, я сам!

— Куда?! — всплеснула руками девушка. — Ты?! К гостям?!

— Да не в открытую же! — сварливо буркнул домашний дух. Сморщенная мордочка его принимала все более и более озабоченное выражение. — По своим ходам, я быстро. Столько народу понаехало, уж не задумали бы дурного! Так, — он повернулся к ней, — дверь, слышь-ка, прикрой на засов и не отворяй никому, поняла? Я в секунду обернусь.

Он, не тратя больше времени на споры, захлопнул тяжелую дверь, соскочил с верхней ступеньки и нырнул в темноту. Нэрис поежилась. Сидеть взаперти в промозглом сыром подвале, полном крыс, ей совсем не улыбалось. Но... раз брауни почуял что-то нехорошее, значит, лучше его послушаться. У этих созданий необыкновенное чутье, она сама убеждалась в этом не единожды. Ах, господи, неужели что-то с папой? Мама наверху, вряд ли сейчас стоит за нее тревожиться, но все-таки... Девушка, спохватившись, быстро задвинула засов и обхватила себя за плечи руками. Прислушалась снова. Шум с той стороны усилился. Да что же там стряслось?! Скорей бы вернулся брауни! Сидеть здесь в темноте и неизвестности было просто невыносимо...

Со стороны коридора раздался топот ног. Девушка вздрогнула, вся подобралась и притихла в своем убежище.

— Нашел? — донесся до нее незнакомый голос.

— Нет. Как сквозь землю...

— Наверху смотрел?

— Там только слуги и леди Максвелл; она говорит, что не видела...

— Черт побери, Ивар нам голову оторвет. Леди Мак-Лайон! Леди Мак-Лайон, вы здесь?!

Нэрис не сразу сообразила, что это зовут ее. Голоса то удалялись, то приближались, пока чьи-то легкие шаги не прошуршали совсем рядом, по ступенькам, ведущим к двери в подвал, и кто-то невидимый с силой не дернул за ручку. Дверь, запертая на тяжелый засов, дрогнула, но, разумеется, не поддавалась. Снаружи по дереву чем-то ударили, скорее всего, кулаком:

— Есть там кто-нибудь?

— Нашел? — другой голос, запыхавшийся.

— Не знаю. Заперто изнутри. Леди Мак-Лайон! Вы там?

Она замерла на ступеньке, кусая губы. Отворить? Страшно. Мало ли кто это может быть! Ах, ну где же брауни?! Отсюда до парадной залы всего-то ничего, тем более «своими ходами»!

— Леди! — Дверь снова содрогнулась.

— Она там, — после паузы без тени сомнений в голосе проговорил человек за дверью. — Больше нигде, мы весь замок обыскали.

— Ломать? — с готовностью предложил его собеседник. — Это мы шас! Марти! Эй, Марти!

— Да погоди ты! — цыкнул на него все тот же голос, и Нэрис показалось, что он ей немного знаком. — Леди Мак-Лайон... Нэрис! Если вы там — отзовитесь! Прошу вас!

Мысли лихорадочно металась у нее в голове, наталкиваясь друг на друга. Она вспомнила, где слышала этот голос. Это же тот веселый парень с лютней, что встретился ей совсем недавно на выходе из залы! Он сказал, что он друг ее мужа. И еще тот, другой человек в коридоре, упомянул, что Ивар «голову им оторвет». Значит, это его люди. Значит, их можно не бояться. Но... она ведь обещала дождаться брауни!

— Не отвечает, — констатировали по ту сторону двери. — Зови брата. Будем ломать.

— Не надо! — поспешно воскликнула девушка. Не дай бог, ведь действительно выломают! А если как раз тогда и вернется домашний дух? Как бы вреда ему не причинили: вид брауни, для нее самой уже давно привычный, неподготовленного человека

мог и напугать. Еще схватятся за оружие. Ни к чему это. — Не ломайте дверь! — повторила она. — Я сама...

— С вами все в порядке?!

— Да, да! — Она торопливо оглядывалась по сторонам.

— Не бойтесь, мы — друзья вашего мужа, — уже более спокойным тоном сказал голос. — Откройте!

— Я... сейчас! — пообещала Нэрис, роясь в висящем на поясе бархатном мешочке, где на всякий случай лежали всякие мелочи вроде ниток, платка и тому подобного. — Тут засов заело! — соврала она. Пальцы нащупали маленький кусочек мела. Есть!

Она быстро повернулась к стене и нацарапала белым камешком пару слов внизу, почти у самого пола. Брауни увидит и поймет.

— Погодите минутку! — Она выпрямилась, спрятала мел обратно в мешочек и, для вида подергав засов, чтоб он заскрипел, сняла его с заржавленной скобы. Дверь распахнулась.

— Вот вы где! — сказал рыжеволосый парень, и его веснушчатое лицо озарила приветливая улыбка. — А мы вас обыскались.

— Дверь хотели ломать! — почему-то с гордостью заявил второй, стоящий рядом.

Нэрис повернула голову и невольно улыбнулась: говоривший чем-то вдруг напомнил ей лохматого упитанного щенка. То же озорное и чуть глуповатое выражение бесхитростных глаз, нечесаная шевелюра и круглое брюшко. Правда, размерами этот самый «щенок» был едва ли не с медведя.

— Мэт, ты меня звал? — Сверху, из коридора, показался еще один человек — точная копия любителя крушить дубовые двери. Те же плутоватые добродушные глаза, растрепанные волосы и внушительные габариты. Так они братья!

— Мы это, близнецы! — заметив ее взгляд, охотно пояснил тот, кого назвали Мэтом. — Я вот Мэтью, а он — Мартин. Мак-Тавиши мы. А этот вот...

— Мы уже знакомы, — кивнув рыжеволосому, сказала Нэрис. — Простите, Томас, я не знала, что меня ищут. Я спустилась за вином. А потом заело засов... Что случилось?

— Леди, — замялся рыжий, — произошло недоразумение. Сейчас я толком всего не объясню, но попозже...

— Все в порядке? — всерьез обеспокоилась она, хотя уже давно поняла, что ни о каком «порядке» не идет и речи. — Что за шум? Что там у вас произошло?

— Это как раз выясняется, — уклончиво ответил парень и ненавязчиво, но решительно потянул ее наверх. — Ивар просил найти вас и отвести куда-нибудь, пока все не уляжется. Леди, я

понимаю ваше недоумение, но, право слово, я и сам еще толком во всем не разобрался. Ваша комната наверху?

— Да, — пробормотала она, позволив увлечь себя к лестнице.

— Вы пока побудьте там, — с извиняющейся улыбкой попросил он. — Марти и Мэт останутся у входа, если что-то понадобится, вы им только скажите!

— Простите, — приостановилась Нэрис и посмотрела ему в лицо. — Я так понимаю, они будут... меня сторожить?!

— Вроде того. Но я вас уверяю...

— Погодите, Томас! Что, в конце концов, стряслось?! — Брови новоиспеченной леди Мак-Лайон сошлись на переносице. — Кого-то убили? Зачем и, главное, от кого меня нужно охранять?!

— Все живы, — коротко высказался музыкант. — Я правду говорю. А что касается вас, леди, это просто мера предосторожности... и приказ Ивара.

— Приказ? Я думала, вы друзья!

— То, что мы друзья, не меняет того, что он советник короля и старший в отряде, — сурово отрезал рыжий, мгновенно преобразаясь из смешливого балагура в воина. — Это ваша комната, леди? Прошу... И не волнуйтесь так, — уже мягче добавил он, пропуская ее вперед. — Как только все прояснится, лорд Мак-Лайон лично вам все объяснит. С вашего позволения...

Он закрыл дверь у нее за спиной. Нэрис нахмурилась. Что все это значит?! Заперли здесь, под охраной. И никто ничего толком объяснить не может! Или не хочет... Она, мгновение поколебавшись, решительно скользнула обратно к двери и прижалась к ней ухом.

— ...как зеницу ока! — донесся до нее голос Томаса. — Поняли меня?

— Да не бойсь, небось не маленькие, справимся, — ответил ему кто-то из Мак-Тавишей. — Иди уж. Нас там рядом не было, хоть ты слово скажи! А то эти стервятники и рады...

— Тихо ты! — шикнул на него музыкант. — Орешь на весь замок. С Иваром там Творимир, так что за него волноваться нечего. Ладно! Я пошел. Как все утихнет, вернусь.

— Если утихнет, — непонятно пробормотал то ли Мартин, то ли Мэтью. Второй согласно вздохнул, и братья замолчали. Больше, сколько Нэрис ни напрягала слух, из коридора не донеслось ни звука. Ах, как обидно-то! Она сердито тряхнула головой и, передернув плечами, опустилась в кресло перед стильным камином. Ну что же! Раз уж все равно ничего не остается, кроме как ждать...

Тихонько скрипнула стенная панель. Девушка быстро обернулась на звук:

— Ты!

— Тсс! — предостерегающе прошипел брауни, проскальзывая в комнату. — Там, которые за дверью, — услышать могут.

— Ты был в парадной зале?

— Был. Куда я, по-твоему, бегал? — насупленно проворчал домашний дух, шерстяным клубком подкатываясь к ее креслу. — Сиди. Здесь меня от двери не видно, ежели кто зайдет. Ну, скажу я тебе, и дел тут эти горлопаны натворили!

— Ну не тяни же! — простонала она. — Что папа? Мама? Все благополучно?

— А про супруга своего узнать не хочешь? — искоса взглянув на нее, поинтересовался брауни. — Что до папеньки с маменькой, тут не беспокойся, в добром здравии. Да все в добром здравии. Пока что.

— Рассказывай! — решительно потребовала Нэрис.

— Я в зал уже опосля прибежал, не все видел и не все понял, — заговорил домашний дух, — но одно понял точно: наживешь ты себе с таким муженьком седых волос полну голову! Не перебивай! Я там пробежался под столами, послушал. Лихие люди среди гостей затесались. Короля чуть было не отравили.

— О господи!

— Да тише ты! — снова зашипел брауни, с опаской покосившись на дверь. — Я тебе быстро все обскажу, как услышал, а дальше уж ты сама думай. В общем, налили его величеству вина в кубок, он его, кубок этот, значит, поднял, за здоровье батюшки твоего выпить желал, да на счастье свое не успел: кто-то там задел его случайно, вино возьми да и выплеснись — ровнехонько государю в тарелку! А на тарелке кусок пирога лежал. Ну, словом, весь его вином залило, кусок-то. Король ваш, добрая душа, себе свежий положил, а тот, испорченный, возьми и брось на пол, собакам. Та, что попроворнее, на лету его поймала и проглотила...

— И?..

— И издохла, полминуты не прошло, — хмуро сказал брауни. — А потом... Эй, ты чего?!

— Вино... — сдавленно пискнула девушка. — Кувшин... Он же наливал!

— Муж-то твой? — внимательно глядя на нее, спросил брауни. — Ты, получается, знаешь?

— Я слышала... Он сказал: «Дай мне кувшин, я сам налью». Но... Но...

— Тихо, говорю тебе, — шепнул он, успокаивающе погладив ее по руке. — Не веришь, значит? Правильно. И я не верю. Только сказать не могу почему. Чую я: не он злодейство задумал! Только...

— Что?

— Только другие-то не чувят! — горестно всплеснул лапами брауни. — Что там поднялось! Эти ваши лорды с мест повскакали, за кинжалы хватаются, кричат, мол, норманны яду в кувшин подсыпали! Те, конечно, за мечи. Отец твой северян остановить пытается (я как раз к тому времени и подоспел), а король чашу отшвырнул, да на лордов своих как зыркнет — те и руки опустили. А потом кто-то возьми и скажи, кто вино-то наливал. Тут уж до всех и дошло...

— А... он?

— Муж-то твой? — задумчиво глядя в пол, снова переспросил домашний дух. — А он сидит как сидел, свою чашу в руках держит и молчит. Словно думает. А как на него гости двинулись, встал и говорит, мол, рехнулись вы совсем? Какой мне смысл государя убивать? Да я, говорит, нам обоим из одного кувшина наливал! И махом чашу свою — р-раз! А потом из кувшина — два! Прямо залпом!

— Ах!

— Не бледней! Ничего ему не сделалось. Не было в том кувшине ничего, кроме вина из нашего погреба.

— Слава богу! — не сдержавшись, выдохнула девушка.

— А вот это я бы не сказал, — мрачно покачал головой брауни. — Этим он только хуже себе сделал. Получается, не в кувшине яд-то был, а в чаше королевской. А наливал, как ни крути, кто? Вот то-то же...

— Да как он его туда бросить у всех на глазах исхитрился бы? — возмутилась Нэрис. — Перед носом у его величества? Король Шотландский не слепой крот, в конце концов!

— Тут как есть согласен, — кивнул домашний дух. — Не слепой. И не дурак. Поэтому ты еще и не вдова в общем-то.

— Надеюсь, мой муж королевский кубок облизывать в доказательство своей невинности не начал? — вздохнув, спросила Нэрис. — Я гляжу, с него бы случилось...

— Не начал. Потому как пропал кубок, как есть пропал!

— То есть как это?!

— Обыкновенно, — пожал плечами брауни. — Как государь его швырнул на пол-то, так и все! Они там потом всю залу с ног

на голову перевернули, даже гостей попросили карманы вывернуть. А только все одно ничего не нашли! Так-то вот.

— Не понимаю, чашу украли, что ли?

— А кто их там разберет? Вроде супруг твой говорил, что вынести не могли. Мол, из залы ни один человек не выходил! Ну и куда тогда чаша подевалась?

— Странно, — проронила Нэрис. — Ну да ладно! Ты дальше-то расскажи!

— Энто пожалуйста. Об чем мы говорили-то? А! Значится, его величество, как лордов утихомирил, извинился перед норманнами как подобает, чтоб зла не держали, и мужу твоему выйти велел. И сам следом. А я, значится, за ними. Послушать. Вот. Отвел, стало быть, государь мужа твоего в сторонку, в прачечную, от ушей чужих подальше, и говорит — ты, брат, по этой части и лучше моего понимаешь, что это все значит. Чуют, говорит, шакалы, что не пробиться им теперь к королевской кормушке, вот и решили одним махом! Там еще что-то про принца было, но я не понял. В общем, говорит его величество, попытка заговора налицо, только мы-то с тобой знаем, что не ты его плетешь, заговор этот. Но лордам этого не объяснишь, не поймут и понимать не захотят. А я, говорит, король Шотландии. Не могу я, говорит, теперь в советниках тебя держать, бунт подымется. Бери, говорит, своих людей, бери жену молодую — и езжай домой, в Хайленд. Даст бог, доберешься. А супруг-то твой как вскинется: мол, да вы ума решились, ваше величество? Они же только того и ждут, чтобы вы меня куда подальше отослали! Никуда, мол, я не поеду. Но государь на него снова глазом зыркнул, как до этого на лордов остальных, так муж твой и умолк. А потом король помолчал и говорит ему, мол, езжай, Ивар, в Хайленд, я, говорит, нутром чую, оттуда у всего этого ноги растут! Лоулендеры, говорит, на противоположном конце стола сидели, значит, говорит, это из Нагорья кто-то. Поезжай и выясни. Все равно, говорит, из-за принца пришлось бы. Тот только голову опустил...

— А потом?

— Не знаю, — честно сказал брауни. — Я к тебе заторопился, думал, ты там, в подвале, сидишь! Прибежал, тебя нет, а на стене мелом...

В дверь отрывисто постучали. Домашний дух дернул острыми ушками и стрелой метнулся под стол, накрытый свисающей до самого пола скатертью. Нэрис выпрямилась в кресле и сказала, стараясь придать голосу непринужденный тон:

— Войдите!